

ДЕТСТВО МОЕЙ БАБУШКИ

Быль

Сегодня любой турист, приезжающий в Казань, услышит рекомендации посетить город Булгар и остров-град Свияжск. Булгар — своеобразный центр духовной культуры татар и мусульман, а для славянского населения таким центром обозначили Свияжск. Почти ежегодно бываю в Свияжске, вижу изменения на его улицах, помню, как сюда вместе со своей бабушкой приплывали на пароходике в детстве. Пристань была маленькой, асфальта и брусчатки не было, как и самой автодороги на остров, не было экскурсоводов и туристов. Было дыхание прежнего величия церквей, изящества дворянских домов, были разруха за стенами монастырей и мусор около обрывов. Правда, экскурсовод всё-таки был (моя бабушка) — и туристы (её дети и внуки). Бабушка родилась в Свияжске в далёком 1937 году и жила там до пятнадцати лет, пока не уехала учиться в Казань. Она уже ушла от нас, но чувство связи с ней не пропало. В голове всплывают рассказы бабушки об её детстве, прошедшем на острове в сороковые-пятидесятые годы.

Раньше, когда Свияжск не был островом, вокруг него были

луга, озёра и текла речка Щука. Весной луга затапливались, а потом, когда вода сходила, вырастал дикий лук-порей. Этот порей вся местная детвора искала и ела. И крапиву молодую, и щавель ели. И хлеб из лебеды в те годы ели. Этим луком и щавелём спасались от голода и нехватки витаминов. Река Щука летом была ручьём, а весной разливалась, и многие мелкие рыбы из Свияги и Волги шли на нерест в Щуку. В маленькой реке и малькам спокойней. Ребятня собиралась в весенние дни на Щуке, мастерили неводы, кто из чего: кто из марли, кто из занавесок — и этими неводами ловили мальков, приносили домой в подлогах и жарили на противнях в печи. Те, у кого были куры, яйцами заливали рыбёшек. Вкуснятина!

Но тем, у кого были куры, надо было сдавать яйца в казну, с каждой курицы определённое количество яиц в месяц. А если не неслись, то покупали яйца у других и сдавали в казну. Если яйца не сдал, то вопрос «Где яйца?» задавал следователь. Та же ситуация была и с коровой. Была установлена норма сдачи молока в день с коровы. Коровы, конечно,

доились ежедневно, а летом самостоятельно через калитку заходили на вечернюю дойку домой. Коров пастух вечером с луга загонял только на улицу, а дальше каждая корова шла к своей калитке самостоятельно. Зимой коров кормили только сеном, зерна люди сами не видели, хлеб ели вперемешку с перемолотой ботвой. Хлеб получался непонятного цвета и неестественного вкуса, думаю, современный человек и одного куска того хлеба не съел бы. Корова в семье была уже старая, но в позднюю ноябрьскую осень отелилась в последний раз. Конечно, после родов молоко у коровы стало непригодно для питья. Такое молоко, надоенное у отелившейся коровы, на молокосборном пункте определяли и не принимали, его только глупыш телёнок пил с удовольствием. А норму с каждой коровы необходимо было сдавать ежедневно. Ничего тогда не оставалось, как купить эту норму молока у других сельчан. И ранним утром с бидоном купленного молока отправили мою бабушку, пятилетнюю девочку Лиду, на молокоприёмный пункт. У пункта была очередь, Лида встала в конец очереди, и все, в общем-то, знали, что это Зинаиды дочь, младшая. Подошёл к очереди на сдачу молока мужчина пожилых лет, спросил, кто крайний, Лида ответила, что она. Мужчина поинтересовался:

— Ты чья будешь, девочка?

— Как?! Да Вы что?! Дядя Фёдор, да ведь это Ваша внучка

Лиля! (Так называли мою бабушку до пятнадцати лет).

Было общее удивление в очереди, потому что это и вправду были внучка и дед по материнской линии, которые не знали друг друга, но жили в одном городе — Свияжске. Внуки Лидия, Нина, Евгения и Александр были у Фёдора Заикина от старшей дочери Зинаиды. В сорок первом году мужа Зинаиды Григория забрали на фронт, в этом же сорок первом он был ранен при обороне города Старая Русса Ленинградской (ныне Новгородской) области, а затем умер от ран в госпитале. Похоронен был в братской могиле в деревне Моисеевичи. И осталась тридцатилетняя женщина Зинаида вдовой, одна с четырьмя детьми. Родной отец не зашёл к своей дочери на соседнюю улицу: ни когда ушёл у неё муж на фронт, ни когда она, Зинаида, получила похоронку. Не поинтересовался, нужна ли ей, вдове, мужская помощь по дому и чем топить этот дом зимой, когда в тёмные и холодные фронтные зимы в нём оставались четыре малолетних ребёнка, мать которых по шестнадцать часов в день трудилась в совхозе, кормившем 22-й завод.

В те советские годы заводы названий не имели, каждому заводу присваивался номер. Делалось это в секретных целях, чтобы посторонним было неизвестно, какая продукция производилась на предприятии. Конечно, тем, кто работал на этих заводах, строго

запрещалось распространяться о производимой продукции. На входе в каждый цех или отдел висели плакаты с изображениями и напоминаниями, что шпионы кругом и всюду, что нужно всегда быть осторожным и проявлять бдительность. На предприятие, которое хоть малейшим образом относилось к оборонной промышленности, судимые и их родственники не допускались. За этим следил отдел №1, который также следил за режимом безопасности, предотвращением шпионажа. Все подписи с обходные листы начинались с отдела №1. Любой завод, выпускающий оборонную продукцию, обязан был делать и гражданскую продукцию. Так завод №22, выпускавший самолёты, имел цеха гражданской продукции, где изготавливались дюралевые моторные лодки, садовые тележки, мясорубки, лодочные моторы, детские санки и другие нужные в быту вещи.

Женщинам, получившим похоронку, жилось всё же немного легче, чем тем, у кого мужья не вернулись с фронта, считались пропавшими без вести. Официальным вдовам было известно, где находятся могилы их мужей, и им выплачивалась пенсия. Небольшая, но этих денег хватало, например, на дрова, которые нельзя было просто собрать в лесу.

Для сдачи государству молоко купили, проблему, скажем, условно решили, а вот бедняга телёнок родился в стужу, в начале периода холодов. Коровник был обычной сараюгой, сколоченной из досок,

неутеплённой. Чтобы телёнок не замёрз и выжил, его на первое время взяли жить в дом, худо-бедно, а дом топился, и в нём было тепло. Дрова, конечно, одинокой женщине Зинаиде давали безобразные — сырая ива. И то их на всю зиму не хватало, приходилось подворовывать. Например, был заранее известен маршрут, по которому вечером Зинаида одна на совхозовской упряжке будет проезжать по рабочим делам. По предварительной договорённости кто-то из детей в тёмном месте поджидал, когда проедет мать и скинет два-три полена с упряжки. Тоже сырые, но хоть такие. Аккуратно засунув поленья под пальто, дети возвращались домой. Тут же возникала другая проблема: чем растопить печь, то есть где взять огонь. Для этого выходили на улицу и смотрели, у кого из соседей из трубы шёл дымок, шли к ним и просили пару углей. Угли несли до своего дома на железном совке и дули на них, чтобы не потухли, затем раздували их уже в своей печке. Сырые дрова гореть не хотели, бывало так, что угли гасли, приходилось снова идти за ними к соседям. И вот, наконец, дрова горят. Из открытой дверки светят танцующие огоньки, согревая приятным теплом. У печки греются дети и бычок. Дети отвлеклись от печки: мать достала из подпола большую тыкву, её аромат разносится по комнате. Сейчас тыкву будут разделять и варить вкуснейшую кашу. Воспользовавшись моментом, бычок решил быть поближе к теплу и

прыгает в печку. Переполох! Бычка вытащили, ожоги ему смазали каким-то жиром, а история эта у всех осталась в памяти.

Летом корове жилось теплее и сытнее. Есть невкусное сено уже не надо было. Коровы летом паслись на многочисленных лугах, затапливаемых весенним половодьем. В мае, когда вода сходила с лугов, земля всё равно оставалась влажной, отчего трава была всё лето сочной, быстро росла. Коров на пастбище выгоняли рано, к девяти утра надо было идти доить. Мать, естественно, была на работе, поэтому доить ходили дети, по очереди. Ходить на луг никто не хотел, по дороге могли попасться ужи, а их девочки боялись до смерти, летали слепни, которые кусались очень больно. Когда шли на дойку коровы, по пути набирали воду, мыли вымя: присаживались на корточки возле вымени Зорьки (так звали корову), и тут начиналась акробатическая игра. Во время дойки на Зорьку садились слепни, от их укуса корова могла дёрнуться и опрокинуть ведро с молоком или отмахнуться хвостом и больно ударить по лицу девочку, доящую её. Да и нести потом домой целое ведро с молоком было тяжело. Ту же самую процедуру необходимо было проделать и вечером, но к вечерней дойке коров пригоняли домой.

Ну вот, корова надоена. Огород полит, а для полива за водой ходили с ведрами на речку Шуку и полные ведра несли в гору, на полив одной только яблони

нужно было двадцать пять ведер воды. После этого можно с соседними ребятами посидеть на завалинке, поговорить, рассказать страшилки. Летом темнеет поздно, ночи тёплые. Рассказывали жуткие истории про мертвецов, барабашек, чертей. Дети в сороковых годах не видели, понятно, фильмов ужасов и картинок из интернета, были впечатлительными, пугались подобных рассказов до ужаса. Электричество в доме было редко, так как общегородской дизель-генератор то ломается, то топливо кончится. Идти в тёмный дом было страшно, так и сидели на лавочке возле ворот и ждали, когда придёт мама с работы. Бывало, что и мама детишкам расскажет, как говорится, в тему какую-нибудь страшную историю: «Пришла я сегодня рано утром на работу в совхоз. На улице ещё темно. Обычно, пока не рассветёт, я в конюшню не хожу, всё равно там ничего не видно. А сегодня велели мне ехать одной прямо с утра на станцию, с вечера ждёт какой-то груз для нашего совхоза. Ну, я зажгла керосинку, пошла отворять ворота в конюшню. Открыла замок, убрала задвижку, открыла створку, а там стоит конь наш в стойле, а на шее у него сидит домовая. Чёрный, косматый, из конских волос косички плетёт. Я от испуга онемела и побежала к бабам в подсобку. Рассказала им об увиденном, они, конечно, усмехнулись, но взяли лопаты и пошли со мной обратно в конюшню. Да только там уже никого не было, только конь

стоял, нервно мотая головой, и грива была лохматая. А когда подошли поближе к коню, то увидели одну маленькую косичку за ухом». После такой истории дети боялись в коровник даже зайти... На ужин щавель с полей или кислые, неспелые яблоки. Голодные, но по-детски счастливые, все вместе с мамой заходили в дом, укладывались по кроватям. Засыпали быстро. Завтра тяжёлый день: мужчины все на фронте, народное хозяйство на женщинах, домашнее хозяйство на детях.

Случались и маленькие радости. Нет, это не торт на день рождения. Дни рождения тогда не отмечались: некогда было отмечать и нечем. Большинство детей и не знали, когда у них день рождения. За физически тяжёлый, исправный труд наградили Зинаиду отрезом клеёнки, вероятно американской, полученной по ленд-лизу. Вещь диковинная, но качественная, на тканевой основе. Накрыть бы клеёнку на стол, но уж слишком тяжела жизнь овдовевшей матери четырёх детей, о таком не мечтали. Согласно принятому решению матери, дети кипятили воду, лили на клеёнку кипятком, отчего цветная клеёчатая часть вспучивалась. Это всё соскабливали ножами с тканевой основы. В результате получился кусок плотной хорошей ткани, из которой младшему Сашке сшили одежду, ведь он в семье был единственным мальчиком, и ему от сестёр из одежды ничего не доставалось.

Да, в ту пору с одеждой совсем было худо. У детей не было даже трусов. Зимой, катаясь с горок на юбке, скатывались в сугроб. Юбка сползала, и до сугроба доезжали прямо на голой попе, стряхивали снег из-под юбки и с хохотом бежали на гору: опять скатываться. А валенки были одни на двоих или троих. Дети учились в разные смены. Младшие приходили домой с уроков и отдавали валенки старшим, их очередь была идти в валенках в школу. Если все учились в одну смену, то ходили в школу по очереди: день одни, день другие. Учительница знала, что в семьях тяжёлое положение, и не ругала детей за пропуски занятий.

И вот настала очередь моей бабушки идти в валенках в школу. С чернилами проблем не было, их делали много, писали тогда уже металлическими перьями, а вот на чём писать, была проблема. Тетрадей нет, писчей бумаги тем более. Писали на обрывках газет, каких-то обёртках. За парту сзади моей бабушки сел мальчишка-шалуниска, зато в новеньких белых валенках. В школе не переодевались, по крайней мере, обувь не переодевали: во-первых, она была не у каждого своя, а во-вторых, школу тоже топили плоховато. Конечно, тому мальчику хотелось похвастаться своей обновкой, и он стал подпинывать ногой впереди сидящих. Терпение у моей бабушки лопнуло, она взяла со стола чернильницу и вылила чернила на новенькие белые валенки

соседа. Скандал был страшный. Мать даже в школу вызвали, зато мальчик получил урок.

Настал май 1945 года. Из громкоговорителя возле сельсовета на центральной площади раздались те самые слова Юрия Левитана, ради которых люди в тылу работали по шестнадцать часов без выходных, мёрзли в холодных домах, терпели все лишения. Победа!

Электричества в Свияжске не было, хотя дизель-генератор существовал. После победы постепенно по расписанию стали давать электроэнергию в жилые дома, но нечасто: то топлива не было, то что-то сломается, в основном генератор работал на водонапорную башню. Где-то в городке появилась и вода из крана. По строгой очереди люди стали получать и мыло. Мылом называли чёрную пахнущую жидкость. Её наливали в банку. Кто-то из солдат, вернувшихся с фронта, привёз трофейный патефон, и на улице вечером заиграла музыка.

Смягчилась и политическая обстановка, стали выпускать из политтюрем, которых в Свияжске было две. Располагались они на территории монастырей, женского и мужского. Ходили слухи, что в царские времена между этими монастырями был подземный тоннель. Тем, кого выпускали из тюрем, не всегда разрешалось уезжать в свои родные города. Жителям, например, Москвы и Ленинграда предписывалось селиться здесь же, в Свияжске. И стали эти люди проситься на постой в надежде снять угол, койку у местных

жителей. Кто-то боялся пускать жить таких освободившихся по политическим статьям, слишком велик был страх за свою жизнь. Все помнили, что ещё недавно, перед войной, за такие связи сами попадали в лагерь. Моя прабабушка Зинаида была неграмотной крестьянкой, но вдовой директора школы слепых. Мой прадед, Григорий Яковлевич Корягин, был зрячим, но в доме были книги для слепых, напечатанные шрифтом Брайля. И моя бабушка к четырём годам уже научилась читать шрифтом Брайля, не пальцами, а глазами. Она читала такие необычные книги, что называется, взапой. То ли из памяти к мужу, то ли из-за заботы о детях, то ли из-за банально тяжёлого финансового положения, но Зинаида пустила на постой, отдав койку в углу, женщину из Ленинграда, до ареста работавшую учительницей. Кем эта женщина работала здесь, в Свияжске, сказать не могу, но вечерами она с удовольствием занималась с детьми при свете керосиновой лампы. Дети, несомненно, подтянулись в учёбе, а может, благодаря этой женщине и полюбили учёбу, впоследствии все три сестры поступили в учебные заведения Казани.

С Шуриком же случилась беда. Одна из сестёр, Женя, была в это время в школе. Школа тогда, как и сейчас, была центром учёбы и детского творчества. В класс забежала взволнованная Лида. «Шурик утонул!» — закричала она и убежала. Все, кто был в классе, высыпали на улицу и побежали за Лидой. Она в тот день пошла

полоскать бельё на речку Шуку, а маленький Саша увязался с ней. День был жаркий, и пока Лида полоскала бельё, Шурик решил искупаться. Речка-то ему была по пояс, но, видимо, затянуло его в омут. Лида кричала-кричала, но помочь ему ничем не могла. Со звали мужчин, кого нашли, мать прибежала из совхоза. В указанном Лидой месте мужчины долго искали, но всё-таки отыскивали утопленника. Сколотили какой-то гроб, простой деревянный крест. Гроб с крестом погрузили в лодку и переправили через Свягу на другую сторону, где было кладбище. Кладбище это существует и сейчас, вокруг него теперь дачи, место считается «козырным».

В самом начале войны, когда глава семьи ушёл на фронт, над детьми была угроза потерять и мать. Осенью сорок первого года с совхозных полей убирали урожай. Совхоз, кстати, считался не худшим вариантом, в отличие от колхоза. В колхоз забирали из дома скотину, почти всю. У колхозников отбирали паспорта, поэтому уехать из деревни они не могли, а работать полагалось, как приписным крепостным, только в этом колхозе. Деньги за свой труд колхозники не получали, работали за так называемые трудодни. В конце рабочего дня напротив фамилии в специальном журнале ставили палочку, что означало отработанный трудодень. Осенью, когда собирали урожай, большая его часть уходила государству, оставшееся делилось между членами колхоза (согласно

отработанным трудодням). Один трудодень, например, мог означать долю в виде ведра овса или трёх свёкол. В совхозе же условия были помягче: платили зарплату, скотину не забирали, в доме были корова Зорька, куры, поросёнок Шинка — ужасный воздухоотравитель. Паспорт не забирали, поэтому в 1954 году Зинаида переехала к своим родителям в посёлок Васильево.

А в тот несчастный осенний день мать Зинаида взяла младшую дочь Лиду с собой на работу в поле. Работали, пока не стемнеет, питание было плохое, собирали в тот день свёклу. Саму свёклу грузили в мешки и на телеги, возили её потом в подвалы монастыря, в котором располагалось овощехранилище совхоза. Ботву укладывали на поле в кучу, потом её отдавали на корм скоту. Маленькая четырёхлетняя девочка Лида хотела есть, подошла к этой куче и взяла из неё три свекольных листочка. Конечно же, это кто-то увидел, сообщил куда надо, листочки, зажатые у ребёнка в кулачке, отобрали. Мать после рабочего дня вызвали в органы, объясняли, что ребёнок занимался вредительством, хищением государственной собственности, и что ей, Зинаиде, как матери, грозит следствие. Правда, по этапу не отправили, оставили. Скорее всего, пожалели солдатскую жену из-за четверых малых детей. В стране, бросившей все резервы на борьбу с захватчиками, и без того уже хватало сирот, о которых теперь приходилось

заботиться государству, тратя свои ресурсы.

На этих же совхозных полях и в монастырских подвалах трудились политзаключённые. Заключённых и вольных старались на одну работу не ставить, но всё же бригадиры в отрядах заключённых были вольные, причём женщины. Мужчин на селе в войну почти не осталось. Часть собранных овощей засаливали. В этом как раз принимали участие заключённые. Капусту рубили тяпками и складывали в большие дубовые бочки. Зимой, по необходимости, отправляли овощи в столовые двадцать второго завода, ну и немного заключённым перепадало. Иногда зимой мать Зинаида приходила на обед домой. С собой, конечно, ничего не приносила — в случае поимки за такое 25 лет давали, — но просила прийти к концу рабочего дня кого-то из детей. Выглядело это, как будто скучающий ребёнок приходил к матери, чтобы вместе дойти тёмными улочками домой. Когда заключённых уводили с работ, то последним всегда уходил вольный бригадир, а им Зинаида и была. Бригадир всё проверял, всё закрывал, всё печатывал. В этот момент была возможность немного подкормить засолами ребёнка. Часто такие визиты делать было нельзя, могли заподозрить. А заключённые передвигались по монастырю бесконвойно. Идя на работу или с работы, некоторые из них простукивали стены, надеясь обнаружить тайник с церковными сокровищами. Кто знает, может кто-то что-то и находил.

К пятидесятым годам дети подросли, а жить легче не стало. По улицам даже ходил старик Кораблёв со словами: «Есть хочу. Дайте хлебушка». В те годы пенсию рядовым гражданам платило не государство, а колхоз или артель напрямую своим бывшим сотрудникам, подходящим по определённым требованиям, например, имеющим возраст 65 лет и трудовой стаж в колхозе не менее 20 лет. Не всегда пенсия была денежной, могла быть частично или полностью продуктами. Таким образом, пенсию получали примерно 15% в ней нуждающихся. А если, например, человеку после отбывания срока в лагере ставилось в обязательство оставаться на постоянном жительстве в этом же населённом пункте или области, и был он пожилым, то оставался и без той самой пенсии. И ходили вот такие Кораблёвы, измятые и выжатые безжалостным кулаком ГУЛАГа, по деревням и сёлам без крова и средств к существованию. Вообще, до таких сёл и городков, как Свияжск, руки не доходили, в магазинах были пустые полки. Разрушенное войной государство стремилось восстановиться, экономика была в упадке, не хватало всего. И рук мужских не хватало, руки эти лежали в братских могилах. В семье Корягиных хозяйство тоже пришло в упадок, заборы и сараи обветшали, покосившись на бок. Дом был обычным деревенским пятистенком. В задней его половине крыша совсем прохудилась, в дождь только и успевали подставлять тазы с ведрами, и

семья окончательно перебралась в одну переднюю комнату, там крыша была ещё целой, да и топить зимой экономнее.

В марте пятьдесят третьего умер Сталин. Всех детей и педагогов собрали в школе в актовом зале. Зачитали речь о смерти вождя народов. И дети, и взрослые неосознанно плакали, для них это была трагедия. Те люди, которые мотали свой срок в бывших монастырях, наверное, не плакали. К моменту кончины Генералиссимуса в СССР уже была создана атомная бомба, но в мае того же года у выпускницы школы Лиды Корягиной не было платья на школьный бал. Не было его и в магазине, даже ткани на его пошив не было. Но выход нашёлся, голь на выдумку хитра. У Зинаиды была родная сестра Антонина. Жила она тоже в Свяжске. Был у неё единственный сын Володя, высокий кудрявый парень, одногодок Лиды. Они и учились даже в одном классе. Так как Вова был одним ребёнком в семье, жилось Антонине немного легче. Мужа у неё не было, зато вниманием родителей она была не обделена, в отличие от Зинаиды и её детей. Работала Антонина медсестрой в Свяжской больнице. Свяжск всё-таки был районным центром, в его школу приходили дети со всех окрестных деревень так же, как и больные шли в больницу. Антонина дала из своих сэкономленных запасов марлю. Эту марлю сложили в несколько слоёв и

сшили платье, которое замочили на ночь в ядрёном растворе фурацилина, опять же из запасов Антонины. Наутро платье тщательно расправили и повесили сушиться. Высохшее платье стало симпатичного жёлтого цвета. Но опять беда: когда платье сушилось во дворе на верёвке, его решил попробовать на вкус телёнок и подол сжевал. Платье успели вовремя у телёнка отобрать, но подол был испорчен, пришлось подкоротить изделие. Школьный выпускной бал состоялся!

Этим же вечером Антонина рассказала забавный случай из своей медпрактики. Дело было так: пришла одна больная женщина с высокой температурой из далёкой деревни на приём к врачу. Антонина, как медсестра, выдала ей градусник и попросила десять минут посидеть в коридоре, объяснив, что градусник нужно держать под мышкой. Но через десять минут женщины в коридоре не было, не было её и через час. К концу дня стало понятно, что женщина ушла вместе с градусником, а её фамилию, имя и адрес записать не успели. Подрасстроились из-за пропавшего градусника, но обрадовались, когда та пришла через пару дней, вернула его и сильно благодарила, ведь градусник, как уверяла женщина, помог ей выздороветь...

Восьмой класс был окончен, и Лида поехала в Казань поступать учиться дальше. Но это уже другая история.